

ФИЛОСОФИЯ

Платон и Бродский: концепция идеального города-государства

Л. Я. Подвойский*

Аннотация. В статье проводится анализ стихотворения И. А. Бродского «Развивая Платона». Обращается внимание на его явный иронический подтекст. Проводится параллель о взаимоотношении Поэта и Государства у Платона и в личной жизни Бродского.

Ключевые слова: Платон; Бродский; философия; поэзия; идеальный город; социальная утопия.

Platon and Brodsky: A Concept of a Perfect City-state

L. Ya. Podvoysky

Abstracts. The analysis of I. A. Brodsky's poem "Razvivaya Platona" ("Evolving Platon") is made in the article. The attention is paid on its evident ironical implication. The parallel between the relations of a Poet and the State at Platon's and that of Brodsky's personal life is drawn.

Keywords: Platon; Brodsky; philosophy; poetry; perfect city; social utopia.

Философия Платона в той или иной форме довольно часто находит свое отражение в русской философской культуре не только в специальных научных сочинениях, но и в художественной литературе, причем как в прозе, так и в поэзии. Особенно часто поэты и писатели создают художественные образы, отсылающие к концепции идеального государства. Примерами таких художественных произведений могут служить «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Котлован» А. П. Платонова, «Ладомир» В. В. Хлебникова, «Роза Мира» Д. Л. Андреева.

Примеры этих художественных произведений, в которых в той или иной мере нашли отражение идеи платонизма, подтверждают правомерность введения нами понятия «платоносфера», которое указывает на широкую область распространения научно-философского знания. Дело в том, что «платоносфера» — это не только определенная философская тради-

ция, но и ее влияние на такие сферы общественно-культурной жизни, как религия, политика, культура, образование, наука.¹

Наличие этих примеров свидетельствует о том, что философия Платона в целом и, далеко не в последнюю очередь, его социальная утопия всегда привлекали русских мыслителей и художников слова, что и находило отражение в их произведениях.

Перечисленный нами выше ряд авторов с полным на то основанием можно продолжить именем самого молодого из литераторов, ставших лауреатами Нобелевской премии, Иосифа Александровича Бродского (24.05.1940, Ленинград–28.01.1996, Нью-Йорк).

По мнению критиков и литературоведов, занимающихся его творческим наследием, И. А. Бродский был вненационален и аполитичен, когда касался в своем творчестве важнейших проблем человеческого бытия. Исследователи творчества И. А. Бродского

*Подвойский Леонид Яковлевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Астраханского государственного университета. E-mail: leonid.podv@gmail.com

¹Подвойский Л. Я. Платоносфера // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества (коллективная монография). Т.2. Астрахань, 2005. С. 174

непременно отмечают при этом важнейшую роль античности в его философско-поэтическом мироощущении, что он и сам подчеркивал.

Интересно, что И. А. Бродский упомянул Платона даже в своей Нобелевской лекции. Вот контекст этого обращения к нему: «Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее — хотя, возможно, и не счастливее. Именно в этом смысле, скорее прикладном, чем *платоническом* (курсив наш — Л.П.), смысле следует понимать замечание Достоевского, что «красота спасет мир», или высказывание Мэтью Арнолда, что нас спасет поэзия. Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельно-го человека всегда можно».²

И все-таки, на первый взгляд имя И. Бродского в этом ряду авторов, в творчестве которых нашли отражение и художественное воплощение идеи платонизма, может выглядеть несколько неожиданно. Но тем не менее это совершенно так, если принять во внимание, например, его стихотворение с характерным названием «Развивая Платона» (1976). Речь у поэта идет об идеальном городе, в котором лирическому субъекту хотелось бы жить.

Стихотворение разделено на четыре практически равные части по четыре строфы в каждой. Несколько условно содержание этих частей можно изложить следующим образом. В первой из них речь идет об искусстве (образ оперы) и спорте (яхт-клуб и футбол); во второй — о культуре (образ библиотеки) и опять об искусстве (картины); в третьей — преимущественно о бытовой, внешней стороне (образы кофейни, улицы); в четвертой — об истории (памятники) и противостоянии героя толпе или толпы герою.

Бросается в глаза, что все стихотворение чрезвычайно насыщено глаголами в сослагательном наклонении. Причем это характерно как для лирического субъекта в таких словосочетаниях, как: «я хотел бы», «я узнавал бы», «я вплетал бы», «я листал бы» и т. п. (всего 13 таких подобных грамматических конструкций). Для создания образа идеального города автор использует эквивалентные речевые обороты: «чтобы там была Опера», «был бы яхт-клуб и футбольный клуб», «там была бы

Библиотека», «там стоял бы большой Вокзал» и т. д. (всего более полутора десятков таких «пожеланий-предположений»).

Учитывая эти обстоятельства, нельзя не отметить, что И. Бродский не столько «творит» свою социальную утопию, свой идеальный город из каких-то абстрактных мечтаний и благих пожеланий, сколько заново воссоздает его. При этом используются уже готовые конструкции, которые ему были хорошо знакомы ранее, но находились как бы в разрозненном состоянии, а здесь он собирает эти оставшиеся в его памяти «блоки» воедино.

В первых трех частях настойчиво упоминается имя Фортунатуса («Счастливчика»), как бы равноправного участника диалога, хотя и молчаливого, выступающего в роли адресата. Но при этом самим присутствием этого безответного Фортунатуса создается иллюзорная атмосфера диалога, столь характерная для великого античного философа, у которого, конечно же, она была живой и естественной без всякой иллюзорности. Более того, у Платона ответ собеседника, хотя бы самый краткий просто для поддержания диалога, обязательно предполагается (правда, некоторые обращения Сократа к собеседникам тоже более похожи на монологи, но это, скорее, исключение из правил).

Совсем по-другому строится диалог в этом стихотворении у И. Бродского. Здесь создается впечатление, что собеседник нужен его герою только для того, чтобы было кому-то ярко, взволнованно и страстно излить буквально на одном дыхании свое выстраданное, наболевшее, которое уже не вмогуту хранить только внутри себя, что делает эти монологи явно похожими на поэтическую исповедь. Возможно, именно поэтому адресат стихотворения И. Бродского и не представляет собой какого-то конкретного человека, что и подчеркивается формой латинизированного имени «Фортунатус». Это обстоятельство (соединение имен Платона и Фортунатуса), скорее всего, имеет целью настроить читателя на «античную волну».

Нельзя также не обратить внимание на то, что И. Бродский в этом стихотворении порой откровенно иронизирует, что позволяет ему внешне не перегружать содержание излишней

²Бродский И. А. Нобелевская лекция // Избранные стихотворения / Послел. Э. Безносова. М, 1994. С. 468

серьезностью, как бы отвлекая внимание читателя, полагая, что тот, кто хочет, тот совершенно правильно поймет глубинное содержание его мысли.

Так, например, в первой части несомненная ирония содержится в словах «изо всех законов, изданных Хаммурапи, самые главные — пенальти и уголовной»,³ Дело в том, что не было таких законов у Хаммурапи и быть не могло, хотя бы потому, что современный футбол, как игру с определенными правилами («законами»), с тем же уголовным и пенальти, придумали англичане. Официальной датой рождения футбола считается 1863 год, когда была организована первая Ассоциация футбола и записаны правила, похожие на современные.

Еще один пример иронического подтекста, представленный в форме парафраза во второй части, видится нам в словах о том, что «там при виде зеленой пальмы в витрине авиалиний просыпалась бы обезьяна, дремлющая во мне»,⁴ где явный намек на эволюционную теорию Ч. Дарвина.

Если же отвлечься от иронического модуса поэтического высказывания И. Бродского и перейти на серьезный лад, то следует, на наш взгляд, констатировать прежде всего, что в этом стихотворении первая и четвертая части являются главными. В первой говорится о взаимоотношении Тирана и Поэта, в четвертой — Толпы и Поэта. Эта тема была очень близка самому И. А. Бродскому, если учесть некоторые обстоятельства его жизни. В 1964 году он был арестован, осужден за тунеядство, приговорен к пяти годам принудительных работ и сослан в Архангельскую область. Однако вмешательство европейских деятелей культуры, выступивших с резким осуждением репрессий по отношению к И. Бродскому, вынудило советские власти освободить поэта уже через год. В этом же печальном ряду событий в его жизни стоит и письмо опального поэта (его стихи переводились на Западе, но практически не публиковались в родной стране) к Л. И. Брежневу, тогдашнему руководителю государства. И, наконец, как логическое завершение этой ситуации (не единственной,

кстати, потому что вынужденных эмигрантов в брежневские времена были далеко не единицы) — высылка из Советского Союза. Будущий Нобелевский лауреат был подвергнут своеобразному остракизму. Жизнь поэта в эмиграции началась 4 июня 1972 г., когда его самолет приземлился в Вене. Затем он переехал в США, где жил и работал до конца жизни.

Таким образом, эта ситуация непростых взаимоотношений Поэта и Государства, Поэта и Тирана, Поэта и Толпы имеет, на наш взгляд, как бы тройное измерение: а) в «Государстве» Платона, б) в личной судьбе поэта, в) в стихотворении «Развивая Платона».

Обратимся к диалогу «Государство» Платона. В книге десятой при определении места поэзии в идеальном государстве, подчеркивается, что ее никоим образом нельзя туда допускать, поскольку она: а) подражательна; б) не поддается критериям истинности — измерению, счету и взвешиванию; в) нарушает душевную гармонию; г) подражательный поэт внедряет в душу каждого человека в отдельности плохой государственный строй; д) вообще «подражательная поэзия портит нравы и подлежит изгнанию из государства»⁵ (именно так называется один из параграфов — Л. П.). Еще ранее, в книге восьмой, отмечалось, что в идеальное государство не должны приниматься поэты, прославляющие тираническую власть.⁶ Однако справедливости ради следует заметить, что Платон допускает возможность существования поэзии в своем идеальном государстве, но при обязательном условии, что это будут «гимны богам и хвала добродетельным людям».⁷ Как видим, здесь налицо ограничение свободы творчества поэта и даже определенная достаточно жесткая регламентация, что нашло отражение в теории «соцзаказа», впервые сформулированной деятелями «Пролеткульта» и «ЛЕФа», а впоследствии ставшей основой концепции соцреализма.

И. А. Бродский вряд ли мог принять выпад против поэзии с позиции разума и философии, что имеет место в государстве Платона. Так, Платон утверждает, что если в государстве допустить подслащенную Музу, мелическую или

³Бродский И. Развивая Платона // Избранные стихотворения... С. 298.

⁴Там же. С. 298.

⁵Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 389–402.

⁶Там же. С. 358.

⁷Там же. С. 404.

эпическую, то в нем воцарятся удовольствие и страдание вместо обычая и разума, которое всегда признавалось наилучшим. И это обстоятельство, объясняет Платон, «пусть послужит нам оправданием перед поэзией за то, что мы выслали ее из нашего государства, поскольку она такова. Ведь нас побудило к этому разумное основание. А чтобы она не винила нас в жестокости и неотесанности, мы добавим еще, что искони наблюдался какой-то разлад между философией и поэзией».⁸

Такое отношение к поэзии, которая была главным делом его жизни, И. Бродский считал абсолютно неприемлемым для себя и совершенно несправедливым для самой поэзии. Отсюда пародийное воспроизведение основных постулатов учения об идеальном государстве Платона. Далеко не случайно в эссе «Altra ego» он говорит, что девятнадцатое столетие породило большую часть понятий и отношений, которые занимают нас и которыми мы руководствуемся по сей день. В поэзии это столетие принадлежит Франции, где экспансивная жестикюляция и экзотические склонности французских романтиков и символистов способствовали скептическому отношению к поэтам. Далее И. Бродский делает вывод о том, что «за этим поношением поэтов скрывается инстинктивное желание любого общественного строя — будь то демократия, автократия, теократия, идеократия или бюрократия — скомпрометировать или принизить авторитет поэзии, которая, помимо того что соперничает с авторитетом государства, ставит знак вопроса на самом индивидууме, на его достижениях и душевном равновесии, на самой его значимости. В этом отношении девятнадцатое столетие просто примкнуло к предыдущим: когда доходит до поэзии, каждый буржуа — Платон».⁹

И. Бродский, конечно, имеет здесь в виду то обстоятельство, что все эти буржуа, подобно Платону, готовы изгнать поэзию из государства или принизить ее, ограничить ее влияние, исходя из своих представлений, какой она должна быть, а еще лучше, по-видимому, если бы ее вовсе не было.

Эта тема — отношение к поэзии и к поэту

со стороны государства и общества — была для И. Бродского очень важной не только в качестве гипотетико-умозрительной проблемы, но и вследствие того, что она была для него абсолютно реальной и болезненно пережитой, прочувствованной на самом себе. По этому он к ней обращается не один раз.

Например, в эссе «Поэт и проза» И. Бродский утверждает, что для поэта стремление к Истине, стремление к точности коренится в языке, берет свое начало в слове, в силу чего это стремление в итоге приобретает зачастую идиосинкразический характер (т. е. характер повышенной чувствительности — Л. П.), ибо для него фонетика и семантика являются практически тождественными. «Эта тождественность, — подчеркивает И. Бродский, — и обеспечивает сознанию такое ускорение, что оно выносит своего обладателя за скобки любого града гораздо раньше и дальше, чем это предлагается тем или иным энергичным Платоном».¹⁰

Здесь, как видим, под именем «энергичного Платона» вполне может пониматься тот самый «каждый буржуа», о котором писал И. Бродский в процитированном нами эссе «Altra ego». Но разница во взаимоотношениях государства и поэта, изложенных в этих двух эссе, — колоссальная. Очевидно, что в данном случае Поэта не изгоняют из Государства, а он сам в своем сознании, получившем «ускорение», в своем интеллектуальном развитии как бы перешагивает рамки определенного государства и становится достоянием человечества, а не только какого-то отдельного общества.

Возвращаясь к вопросу о разладе между философией и поэзией, о котором писал Платон, заметим, что И. Бродский, конечно, не мог принять этого в принципе. Не мог хотя бы потому, что сам он, как всякий большой поэт, был философом, во всяком случае, искренне к этому стремился, стараясь глубоко и всесторонне осмысливать жизнь во всех ее сложностях и проявлениях, что хорошо ему удавалось.

Вторая строфа первой части стихотворения «Развивая Платона» повествует о предпо-

⁸Там же. С. 404–405.

⁹Бродский И. *Altra Ego* // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том VI. – СПб., 2000. С. 68

¹⁰Бродский И. Поэт и проза // Бродский И. Сочинения... Том V. – СПб., 2001. С. 137–138

лагаемой встрече поэта и Тирана на концерте: «Чтобы там была Опера, и чтоб в ней ветеран – тенор исправно пел арию Марио по вечерам; чтоб Тиран ему аплодировал в ложе, а я в партере бормотал бы, сжав зубы от ненависти: «баран».¹¹

Этот образ, созданный через четыре года после вынужденной эмиграции, и эта ситуация настолько глубоко вошли в сознание И. Бродского, и были для него настолько лично значимыми, что не могли рано или поздно не найти выхода «вовне». Так, этот выход проявился в одном из диалогов с С. Волковым, состоявшимся через несколько лет после написания стихотворения. По убеждению И. Бродского, «...идея богемы, идея колонии артистов возникает только в централизованном государстве. Она возникает как зеркальное отражение этой централизации: чтобы сомкнуться, чтобы противостоять. Ведь в чем идея артистической колонии? В противостоянии поэта и тирана. А это возможно только тогда, когда, скажем, вечером в опере они встречаются. Тиран сидит в ложе — поэт в партере. Он представляет себя карбонарием, в воображении своем он вытаскивает револьвер. А вообще-то он бормочет нечто сквозь зубы и бросает гневный взгляд. Вот и вся богема».¹² Как видим, здесь практически дословный пересказ той строфы из стихотворения, которую мы привели выше. Осмысление этой ситуации позволяет провести параллель с судьбами Платона и И. Бродского, если вспомнить, что античный философ был продан в рабство тираном Сиракуз Дионисием Старшим. Именно так закончился, вероятно, первый в истории человечества опыт «просвещения государя».

Если в первой части стихотворения рассмотрены взаимоотношения Тирана и Поэта, то в последней части — взаимоотношения Поэта и Толпы. Как известно, отношения Поэта и Толпы порой могут быть очень жестокими, потому что рядовые граждане далеко не всегда лояльны и толерантны. Причем многие из них могут быть жестокими совершенно искренне. Достаточно вспомнить имевшие место в нашей

стране ситуации, которые характеризуются печально знаменитой фразой «Я Пастернака не читал, но осуждаю...» (в эту формулировку можно подставить любое имя — результат будет тот же и мотивы те же). В данном случае речь идет о Поэте, который оказался не нужен родной стране в реальности, и о Поэте, которому толпа кричит, беснуясь: «Не наш!»,¹³ изгоняя его из созданного им идеального города в стихотворении. Поэт же при этом еще и восклицает «Viva la Patrie!». Здесь, на наш взгляд, еще один пример иронии в этом стихотворении И. Бродского. Правда, какой-то очень уж горькой иронии, иронии отнюдь не с улыбкой, а именно с горькой усмешкой, за которой скрывается невысказанное «Эх, вы!...».

Получается, что Поэту нет места ни в идеальном государстве Платона, ни в гипотетической реальности идеального города из стихотворения И. Бродского, ни самому И. Бродскому в его родном городе, в который он так и не смог вернуться, хотя бы для того, чтобы здесь умереть. Поразительно, но еще в 22-летнем возрасте в 1962 году он как бы предчувствовал свою трагическую судьбу (в том смысле, что ему придется умереть на чужбине). В стихотворении «Стансы городу» И. Бродский писал, обращаясь к родному Ленинграду:

«Да не будет дано

Умереть мне вдали от тебя...».¹⁴

Какое грустно-щмяющее чувство возникает, когда читаешь эти строки, написанные еще очень молодым человеком! К сожалению, не удалось ему реализовать мысль, высказанную в стихотворении «Стансы» в том же 1962 году:

«Ни страны, ни погоста

не хочу выбирать.

На Васильевский остров

я приду умирать...».¹⁵

И все-таки И. А. Бродский был прав, когда в письме к Л. И. Брежневу перед самым отъездом в вынужденную эмиграцию писал: «Я верю, что я вернусь; поэты всегда возвращаются: во плоти или на бумаге. Я хочу верить и в то, и в другое»¹⁶. Он действительно вернулся

¹¹Бродский И. Развивая Платона... С. 298.

¹²Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М., 1998. С. 180.

¹³Бродский И. Развивая Платона... С. 299.

¹⁴Бродский И. Стансы городу // Бродский И. А. Избранные стихотворения... С. 11.

¹⁵Бродский И. Стансы // Медведев Ф. Н. После России. – М.: Республика, 1992. С. 16.

¹⁶Гордон Я. Дело Бродского [Электронный ресурс] / Я. Гордон – Режим доступа: <http://lib.ru/BRODSKIJ/gordin.txt>, свободный. – Заглавие с экрана – Язык русский.

на Родину, правда, «на бумаге», но уже Нобелевским лауреатом. В этом контексте примечательно его признание в январе 1988 года: «У меня не было никогда надежды на возвращение. Хотелось бы, но надежды не было...О, желание вернуться, конечно, существует. Куда оно денется. С годами оно не столько ослабевает, сколько укрепляется».¹⁷ Начиная с 1988 года его стихи стали печататься на Родине, а в 1990 году вышли два первых отечественных сборника «Назидание» и «Осенний крик ястреба».

В последнем сборнике эссе И. А. Бродский написал, что «вкус к метафизике отличает литературу от беллетристики».¹⁸ Эта мысль может быть своеобразной (и самой короткой) рецензией на его творчество.

Библиография:

1. *Бродский, И.* Altra Ego [Текст] / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. – СПб. : Пушкинский фонд, 2000. – Т. VI.
2. *Бродский, И. А.* Нобелевская лекция [Текст] / И. А. Бродский // Избранные стихотворения / Послел. Э. Безносова. – М. : Панорама, 1994.
3. *Бродский, И.* Поэт и проза [Текст] / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. Т. V.
4. *Бродский, И.* Развивая Платона [Текст] / И. Бродский // Бродский И. А. Избранные стихотворения / Послел. Э. Безносова. – М. : Панорама, 1994.
5. *Бродский, И.* Стансы [Текст] / И. Бродский // Медведев Ф. Н. После России. – М. : Республика, 1992.
6. *Бродский, И.* Стансы городу // Бродский И. А. Избранные стихотворения / Послел. Э. Безносова. – М. : Панорама, 1994.
7. *Волков, С.* Диалоги с Иосифом Бродским [Текст] / С. Волков. – М. : Независимая газета, 1998.
8. *Гордон, Я.* Дело Бродского [Электронный ресурс] / Я. Гордон. – Режим доступа: <http://lib.ru/BRODSKIJ/gordin.txt>, свободный. – Заглавие с экрана – Язык рус.
9. *Платон.* Государство [Текст] / Платон // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3.
10. *Подвойский, Л. Я.* Платоносфера [Текст] / Л. Я. Подвойский // Вопросы элитологии : философия, культура, политика : Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества (коллективная монография). – Астрахань, 2005. – Т. 2.
11. *Самин, Д. К.* Самые знаменитые эмигранты России [Текст] / Д. К. Самин. – М. : Вече, 2000.
12. «Человека можно всегда спасти» (интервью с Иосифом Бродским) [Текст] // Медведев Ф. Н. После России. – М. : Республика, 1992.

¹⁷«Человека можно всегда спасти» // Медведев Ф. Н. После России. – М.: Республика, 1992. С. 21.

¹⁸Самин Д. К. Самые знаменитые эмигранты России. – М.: Вече, 2000. С. 465.